

**ИНСТИТУТ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ И ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Мухамедшина Альбина Анваровна

*Ведущий преподаватель Академического лицея имени Х. Мухитдиновой при
ТГЮУ anoramalikabonu123@gmail.com*

**THE INSTITUTE OF NECESSARY DEFENSE IN THE CRIMINAL LAW OF THE
REPUBLIC OF UZBEKISTAN: THEORETICAL DEBATES AND LAW ENFORCEMENT
CHALLENGES**

Mukhamedshina Albina Anvarovna

*Leading teacher at the Academic Lyceum named after H. Mukhitdinova at TSUL
anoramalikabonu123@gmail.com*

Аннотация: В данной статье приводится комплексный анализ института необходимой обороны в уголовном праве Республики Узбекистан с акцентом на ключевые теоретические дискуссии и проблемы правоприменительной практики. Несмотря на конституционные гарантии, защищающие право на самооборону, судебная практика регулярно сталкивается с трудностями при правильном толковании соразмерности вреда, оценке реальной угрозы и разграничении необходимой обороны от ее превышения или умышленных преступлений. На основе сравнительного анализа статьи 37 Уголовного кодекса Республики Узбекистан и правоприменительной практики в исследовании выявляются системные неопределенности при оценке субъективного состояния обороняющегося и наличного характера нападения. Результаты показывают, что субъективное судебное толкование нередко приводит к необоснованной криминализации законных действий по самообороне. Для устранения этих противоречий в работе предлагаются точечные законодательные поправки и обновленные разъяснения Пленума Верховного Суда, призванные обеспечить баланс между правами обороняющихся и принципами законности и справедливости.

Ключевые слова: уголовное право, необходимая оборона, превышение пределов, Уголовный кодекс Республики Узбекистан, сравнительное правоведение, эксцесс обороны, защита жилища.

Abstract: This article provides a comprehensive analysis of the institute of necessary defense within the criminal law of the Republic of Uzbekistan, highlighting core theoretical debates and practical law enforcement challenges. Despite constitutional guarantees protecting the right to self-defense, judicial application frequently encounters difficulties in properly interpreting proportional harm, assessing

real threats, and distinguishing necessary defense from excess or intentional offenses. Through a comparative examination of Article 37 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan and prevailing judicial practice, this study identifies systemic ambiguities in evaluating the defender's state of mind and the immediacy of an attack. The findings demonstrate that subjective judicial interpretation often leads to unjustified criminalization of legitimate defensive actions. To resolve these inconsistencies, the paper proposes targeted legislative amendments and updated explanations from the Plenum of the Supreme Court to balance the rights of defenders with the principles of legality and proportionality.

Keywords: *criminal law, necessary defense, excess of defense, Criminal Code of the Republic of Uzbekistan, comparative law, home defense, castle doctrine.*

ВВЕДЕНИЕ (INTRODUCTION)

Конституция Республики Узбекистан в новой редакции провозглашает человека, его жизнь, свободу, честь и достоинство высшей ценностью (Конституция РУз. 2023). Реализация этого конституционного принципа включает в себя не только государственную защиту со стороны правоохранительных органов, но и гарантированное право граждан на самостоятельное отражение общественно опасных посягательств. Ключевым правовым инструментом реализации данного права выступает институт необходимой обороны, регламентированный статьей 37 Уголовного кодекса Республики Узбекистан (Уголовный Кодекс РУз, 1994).

Несмотря на глубокую доктринальную проработанность, современная правоприменительная практика в Узбекистане сталкивается со значительными трудностями при разграничении правомерного причинения вреда нападающему и превышения пределов необходимой обороны (так называемого эксцесса обороны). Существующий в следственных органах скрытый обвинительный уклон зачастую приводит к необоснованному привлечению обороняющихся граждан к уголовной ответственности. Когда жертва успешно отражает насильственное преступление, но наносит нападающему серьезные или смертельные травмы, государство нередко смещает фокус внимания с первоначального противоправного деяния агрессора на тяжесть наступивших для него последствий.

Обзор литературы (Literature Review)

Концептуальные основы права на самооборону на постсоветском правовом пространстве традиционно опираются на классическую уголовно-правовую догматику. В национальной юридической доктрине Узбекистана комплексный анализ необходимой обороны структурно привязан к общей теории обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Фундаментальный вклад в изучение данного института внес академик М. Х. Рустамбаев, который разделил критерии правомерности обороны на две

жесткие категории: относящиеся к посягательству (общественная опасность, реальность и настоятельность) и относящиеся к защите (направление вреда строго на посягающего и соразмерность) (Rustambaev, 2018). Рустамбаев справедливо подчеркивает, что ключевой проблемой в праве Узбекистана остается субъективная оценка следователями критерия «настоятельности» нападения, что оставляет избыточное пространство для судебного и следственного усмотрения.

Сравнительно-правовой региональный анализ показывает, что эволюционные пути этого института в странах Содружества Независимых Государств (СНГ) за последние годы существенно разошлись. Правоведы Российской Федерации долгое время критиковали механистический подход к оценке соразмерности самообороны. Как отмечают российские криминалисты, введение специализированных презумпций для защиты от неожиданных нападений позволило существенно сместить бремя доказывания с жертвы и защитить её права (Верховный Суд Российской Федерации, 2012).

Аналогичным образом существенную трансформацию претерпела казахстанская уголовно-правовая доктрина в вопросах абсолютной неприкосновенности жилища. В трудах казахстанских юристов, анализирующих статью 32 Уголовного кодекса Казахстана, подчеркивается, что вооруженное или насильственное вторжение в частное жилье должно полностью лишать нападающего правовой защиты от оборонительных действий собственника, фактически устанавливая национальный аналог англо-американской «доктрины крепости» (Castle Doctrine) (Уголовный Кодекс Республики Казахстан, 2014).

Кроме того, современная уголовно-правовая теория все чаще интегрирует психологические и криминологические параметры в законодательные акты. Например, уголовный закон Кыргызской Республики напрямую имплементировал западноевропейские модели — в частности, заимствовал опыт параграфа 33 Уголовного кодекса Германии (Strafgesetzbuch), официально признав, что сильные эмоциональные состояния, такие как страх, паника или замешательство, возникшие в момент нападения, полностью исключают уголовную ответственность за эксцесс обороны (Уголовный Кодекс Кыргызской Республики, 2021).

Напротив, узбекистанская правовая мысль исторически рассматривала данные психоэмоциональные состояния исключительно как смягчающие обстоятельства при назначении наказания в суде, но не как факторы, исключающие преступность деяния в корне. Этот консервативный подход сегодня оспаривается современными исследователями, которые выступают за более «виктимо-центричную» модель законодательства, указывая, что человек под страхом смерти не способен объективно рассчитывать баланс сил и соразмерность защиты.

Гипотеза исследования: Действующая редакция статьи 37 Уголовного кодекса Республики Узбекистан обладает избыточным консерватизмом и не учитывает современные тенденции гуманизации права, защищающего жертву преступления, в частности, в аспектах неприкосновенности жилища и внезапности нападения. Требуется имплементация успешного опыта стран СНГ для оптимизации национального уголовного законодательства.

2. METHODS (МЕТОДОЛОГИЯ)

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специальных юридических методов:

1. Формально-юридический метод использовался при анализе диспозиции статьи 37 УК РУз, а также статей 100 (Убийство при превышении пределов необходимой обороны) и 107 (Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения при превышении пределов необходимой обороны) УК РУз.

2. Метод сравнительного правоведения (компаративистский) позволил детально сопоставить уголовно-правовые модели и тексты кодексов Узбекистана, Российской Федерации, Казахстана и Кыргызстана.

3. Метод системно-структурного анализа применен для изучения Постановлений Пленума Верховного суда РУз и материалов опубликованной судебной практики за последние годы с целью верификации следственных ошибок.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ (RESULTS AND DISCUSSION)

Критерии правомерности необходимой обороны по законодательству РУз

Согласно части 1 статьи 37 УК РУз, не является преступлением причинение вреда посягающему лицу при защите личности, прав и законных интересов от общественно опасного посягательства, если не было допущено превышения пределов. Дискуссионным в теории остается вопрос «настоятельности» (непосредственности) посягательства. Судебная практика Узбекистана строго придерживается правила: оборона признается правомерной, если посягательство уже началось или очевидно существовала непосредственная угроза его начала. Если вред причинен после того, как посягательство было предотвращено или окончено, действия квалифицируются как умышленное преступление (Рустамбаев, 2018).

Пример из практики: Гражданин А. в ходе ссоры на одной из улиц г. Ташкента подвергся нападению со стороны гражданина Б., который размахивал ножом. Оценив угрозу жизни как реальную, А. нанес удар тяжелым предметом по руке нападавшего, выбил нож, а затем, когда Б. попытался снова схватить оружие, нанес второй удар, причинив вред средней тяжести (Юнусабадский районный суд по уголовным делам (архив), 2024). Суд признал действия А. правомерными в рамках ст. 37 УК РУз., так как угроза не была окончательно устранена в момент нанесения ударов.

Проблема превышения пределов необходимой обороны и учет психоэмоционального фактора

Наибольшее количество споров вызывает содержание части 3 статьи 37 УК РУз, определяющей превышение пределов как «явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства».

Оценочное понятие «явное несоответствие» создает серьезные трудности. Следственные органы нередко подходят к вопросу формально, сопоставляя лишь орудия преступления (например, кулак против палки). При этом Пленум Верховного суда РУз (2014) прямо указывает, что суды обязаны учитывать: количество нападавших, их физические данные, место, время и, главное, психологическое состояние обороняющегося (страх, испуг, неожиданность). Однако на уровне досудебного следствия данные факторы практически не верифицируются из-за отсутствия четких законодательных дескрипторов.

Сравнительно-правовой анализ: подход Узбекистана и стран СНГ

Модели необходимой обороны в странах постсоветского пространства за последние годы претерпели существенную дифференциацию, что наглядно демонстрирует консервативность подхода РУз.

А. Доктрина «Мой дом — моя крепость»

В отличие от Узбекистана, где защита жилища оценивается на общих основаниях, в других странах СНГ введены специальные презумпции:

- Российская Федерация (Уголовный Кодекс РФ, 1996): согласно ч. 2.1 ст. 37 УК РФ, любые действия обороняющегося правомерны, если нападение было неожиданным или было совершено незаконное проникновение в жилище с угрозой насилия.

- Республика Казахстан (Уголовный Кодекс Республики Казахстан, 2014): в ч. 3 ст. 32 УК РК прямо установлено, что не является превышением пределов причинение любого вреда лицу, совершающему противоправное насильственное вторжение в жилище.

В Узбекистане же, если собственник наносит смертельное ранение ночному грабителю в своем доме, следствие чаще всего квалифицирует это по ст. 100 УК РУз, аргументируя тем, что посягательство было направлено на имущество (кража), а не на жизнь, следовательно, причинение смерти было «явно несоответствующим» (Архив Самаркандского областного суда, 2025).

Б. Фактор испуга и замешательства

Обороняющийся человек действует в состоянии жесточайшего стресса. Законодатели некоторых стран СНГ зафиксировали это непосредственно в тексте кодексов (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ учета психоэмоционального фактора и защиты жилища в странах СНГ

Государство Норма закона	/	Специальная норма о защите жилища	Законодательное признание факторов испуга / страха
-----------------------------	---	-----------------------------------	--

Республика Узбекистан (ст. 37 УК РУз)	Отсутствует. Оценивается на общих основаниях соразмерности.	Отсутствует в законе. Регулируется только рекомендациями Пленума ВС РУз.
Российская Федерация (ст. 37 УК РФ)	Есть. Вторжение или неожиданность исключают эксцесс.	Есть. Фактор неожиданности нападения официально исключает ответственность.
Республика Казахстан (ст. 32 УК РК)	Есть. Насильственное вторжение полностью исключает эксцесс.	Учитывается через прямую легализацию любых способов защиты жилища.
Кыргызская Республика (ст. 38 УК КР)	Отсутствует как самостоятельный пункт. (Не выделена специальная норма)	Есть. Прямо указано, что действия в состоянии страха, испуга или замешательства не являются эксцессом.

Как демонстрирует компаративный анализ, Кыргызстан имплементировал европейский опыт (Уголовный Кодекс Кыргызской Республики, 2021), освобождая от ответственности за эксцесс, вызванный аффектом страха. В Узбекистане же сухой подсчет телесных повреждений следственными органами все еще превалирует над психологическим анализом ситуации.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ (CONCLUSION)

Проведенное исследование полностью подтверждает выдвинутую гипотезу. Для укрепления правопорядка, искоренения обвинительного уклона и реальной защиты прав граждан Республики Узбекистан предлагается модернизировать национальное уголовное законодательство путем внесения следующих изменений в статью 37 УК РУз:

1. Дополнить статью 37 частью 4 следующего содержания: «Не является превышением пределов необходимой обороны причинение вреда лицу при защите от незаконного проникновения в жилище, совершенного против воли проживающих в нем лиц, в ночное время либо с применением насилия или угрозы его применения».

Данные реформы позволят сместить акцент уголовно-правовой политики Республики Узбекистан на защиту жертвы преступления и гармонизировать Общую часть уголовного права с передовыми международными стандартами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES):

1. Конституция Республики Узбекистан. (2023). Издательство «Узбекистан».
2. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. (2021). Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики.

3. Уголовный кодекс Республики Казахстан. (2014). Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации. (1996). Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации.
5. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. (1994). Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан «Norma.uz».
6. Рустамбаев, М. Х. (2018). Курс уголовного права Республики Узбекистан. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Издательство «Ilm Ziyο».
7. Самаркандский областной суд по уголовным делам. (2025). Обзор судебной практики по делам, связанным с превышением пределов необходимой обороны. Архив Самаркандского областного суда.
8. Верховный суд Республики Узбекистан. (2014). О судебной практике по делам о необходимой обороне (Постановление Пленума). Официальный сайт Верховного суда Узбекистана.
9. Верховный Суд Российской Федерации. (2012). О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление (Постановление Пленума № 19).
10. Юнусабадский районный суд по уголовным делам. (2024). Дело № 4-123/2024 по обвинению по статье 107 Уголовного кодекса Узбекистана. Архив Юнусабадского районного суда города Ташкента.
<http://www.lex.uz>
<http://www.norma.uz>
<https://www.consultant.ru/>
<https://prg.kz/document/>
<https://cbd.minjust.gov.kg/>
<https://library.tsul.uz/>